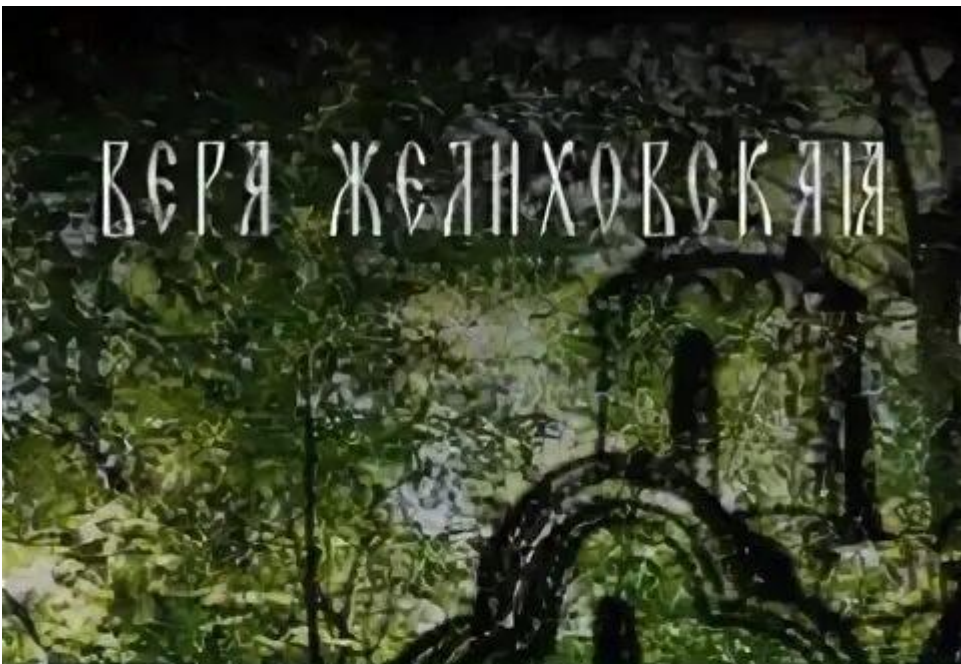

A photograph of a dense forest with green foliage. In the background, a church with a dark, domed roof is visible through the trees.

ВЕРЯ ЖЕЛНХОВСКАЯ

A dark green rectangular box with a white decorative border. The text is centered within the box.

СВЯТОЛЕССКИЕ
ПЕВЦЫ

Вера Петровна Желиховская

Святолесские певцы

Аннотация

Я долго не могла добиться, почему это место называлось «выпетым». Кто его выпевал? Никто не знал и сказать мне не мог, пока не познакомилась я с одною старою-престарою старушкой помещицей, которая заявила мне, что знает хорошо предание о Святолесской Выпетой церкви; что у неё хранится даже о нём рассказ – семейная рукопись чуть ли не прадеда её. Эту рукопись она показала мне, а я, переписывая её, постаралась только немного поновить её слог, придерживаясь по возможности близко подлинному рассказу.

Вера Петровна Желиховская

Святолесские певцы

Старинное предание

Дела стародавних, далёких времён,
Преданья невянущей славы!

А. К. Толстой «Песня о походе Владимира на Корсунь»

Несколько лет тому назад привелось мне проводить лето в деревне, на юге России, в очень живописной местности. В окрестностях нам показывали много древних курганов; возле озера, в красивом дубовом лесу уцелели ещё многие развалины, по преданию, целого города, по имени которого будто бы, и вся эта местность называлась Святолесскою. Неподалёку от озера, среди богатого чернозёмного поля, целая груда камней указывала место церкви, носившей странное название «выпетой». Собственно, церкви не было и следа, всего несколько кучек булыжника проросших травой; но местные жители утверждали, что здесь именно, до татарского погрома, стоял древний храм, называвшийся так, и в доказательство пережившего века уважения к этому месту, на нём крестьяне от времени до времени возобновляли простой, неотёсанный, бревенчатый крест. Зимой это место представляло снежный курган, а летом довольно цветущий бугорок, с покосившимся крестом на верхушке.

Я долго не могла добиться, почему это место называлось «выпетым». Кто его выпевал? Никто не знал и сказать мне не мог, пока не познакомилась я с одною старою-престарою старушкой помещицей, которая заявила мне, что знает хорошо предание о Святолесской Выпетой церкви; что у неё хранится даже о нём рассказ – семейная рукопись чуть ли не прадеда её.

Эту рукопись она показала мне, а я, переписывая её, постаралась только немного поновить её слог, придерживаясь по возможности близко подлинному рассказу.

I

Было то давно, не при отцах, не при дедах наших, даже не при прапрадедах, а и того гораздо пораньше. Было это в те времена, когда славные богатыри по святой Руси похаживали; похаживая, дубинками, кистенями помахивали; помахивая, с басурманов головы сымали, из-под семи замков у крылатых змиев клады выкрадывали, у злых кощеев из теремов красных девиц выручали.

В те ли тёмные, дальние дни, свет веры Христовой редкими огоньками по лицу земли Русской теплился. Бóльшая часть людей Перуну грозному кланялася, Дид-Ладо не в одних игрищах да песнях славил, – а что уж Чернобога до того страшился, что слугам его – кудесникам – работа не переводилась: чрез них и мольбы воссылались, и жертвы идолам приносились.

Чем дальше от первокрещённого Киева, тем реже сияли кресты на храмах Господних, тем чаще вздымались жертвенники в честь языческих богов. От града ко граду не видать было церквей христианских, да и в самих-то градах не велика была истинная паства Господня... Искренних, убеждённых христиан не очень много ещё было.

Однако городок Святолесск, даром что лежал в стороне от проезжего пути к стольному граду Киеву, промеж чёрных, дремучих лесов, за холмами высокими, за песками сыпучими, но величался своим кремлём, с многоглавым собором. И то сказать: мог он точно величаться! Красой его Бог не обидел. Каждый путник, – будь он злой нехристь-татарин, аль крещённый человек, всё одно, – как выходил из-за тёмного леса, да сразу метался в очи ему, на зелёной на горе, по-над озером светлым, городок с пригородьями, валы крепостные с частоколом высоким, а за частоколом собор пятиглавый, озолочённый, воеводский дом, с расписными теремами боярскими, со столбами витыми, крылечками, да резьбой узорною; да как бывало солнышко-то ещё ударит в красу его, да вся она как есть целиком опрокинется в ясное зеркало вод лазоревых, – каждый поневоле остановится и подумает: «Экая краса благодатная!.. Ай да город Святолесск, – залюбуешься!..»

II

Невдалеке от городка, на лесной опушке, был погост с малою часовенкой. Церкви при кладбище не было: куда ещё! Будет что в кремле бревенчатый пятиглавый храм всем на диво вздымался... О новой церкви святолесцы ещё не думали. Покойники побогаче да поважней в городу отпевались, бедные – в часовенке при погосте. А бóльшая часть жителей в обрядах христианских и вовсе нужды не видала; кто просто умерших земле предавал, кто втихомолку курганы над ними вскапывал, тризны языческие по-прежнему правил.

Часовенка при кладбище была заложена временная купчиной богатым. Собирался он на место неё и всю церковь выстроить, потому что уж крепко напуган был: стал купчина помирать, а помереть ему крепко не хотелось. Вот и пообещался он, если выздоровеет, во имя Успения Божией Матери храм на погосте построить. Захворал он как раз об этом празднике, а на самое на Успение с него как рукой хворость сняло... Делать, стало, нечего: приходилось мощной тряхнуть. Заложил он будущую церковь, возле выстроил часовенку, и весь бы храм, статья могло, достроил, да только пришлось ему по делам из городу выехать, – уехал он и был таков! Не стало о нём слуху, не осталось и духу.

Так и пришлось святолесским покойникам одною, во имя Успения, часовенкой пробавляться.

Никто о том не тужил, кроме разве одного попа Киприана, духовника пропавшего купца. Был он человек совестливый и пастырь добрый; мучило его сознание, что восприял он обет духовного своего чада, сам и место для храма святил и первый камень его заложил – и всё то дело вышло облыжное!.. Ему казалось, что сам он отчасти ответствен и виновен в обмане, – хоть не намеренно, а допустил ложный Богу обет... И сокрушался поп Киприан.

Тем горше сокрушался, что не видал себе ни в ком соучастия, и ясно было ему, что сколь много он ни старайся, как усердно ни обращайся к благостыне христианской, – но век не собрать ему казны нужной для построения заложенного храма.

Отец Киприан был родом не русский. Малым ребёнком прибыл он из православной Греции с отцом своим, иереем. Отца его сам князь Владимир Красное Солнышко с другими пастырями выписал из Константинограда. С годами обрусела семья; Киприан женился на дочери природного киевлянина, на красавице Миловиде, во святом крещении названной Любовью, и сам приял священство.

Верно было дано жене Киприановой христианское имя: ни в ком христианское милосердие и чистая любовь не могли горячее гореть, как в сердце этой красавицы, обращённой благочестивым супругом в ревностную христианку.

Бог благословил брак их тремя детьми: дочерьми Верой и Надеждой, и сыном Василько. Не могли поп с попадѣй наглядеться на деток своих, души в них не чаяли! И то сказать, все они трое красавцы были писанные, и душой столь же хороши, как и обликом.

Надежда с Верой были близнецы и столь сходны, что отличить их, кроме отца с матерью, никто не мог. Даже брат, млаже их на два года, часто их смешивал и смеючись говаривал: «Не всё ль мне едино, кто из вас Вера, кто Надежда?.. Где одна, там и другая! Делить вас нельзя, и люблю я вас ровно... Для меня вы обе и матушка – третья – нераздельны. Все вы трое – в единой Любви и Любовь единая!»

И точно! Горячо друг друга любили дети отца Киприана. Брат и сёстры не разлучались и всегда ходили обнявшись, привлекая взоры и улыбки встречных своею миловидностью.

III

У всех троих были чудесные голоса. Отец и мать их научили многим священным напевам; кроме того, поп Киприан выучил своего десятилетнего мальчика играть на гусях. И так они втроем сладко играли и пели, что в праздничные дни, особенно долгими летними вечерами, народ толпами стал собираться под окно поповской избы, чтобы послушать песнь об Иове многострадальном, о чудном спасении трёх отроков в печи огненной, или другое подобное сказание, которые отец Киприан умел искусно в стих перекладывать.

Слушал их народ, заслушивался и уходил умилённый...

И вдруг осенила благочестивого иерея дума: «Не расточаются дары Господни напрасно. Не дана ли мне, в сладостных голосах невинных моих отроков, возможность снять со своей и с чужой души тяжесть невыполненного обета?.. Сам Спаситель учил не зарывать в землю талантов... Пойду-ка я к старцу Евфимию, попрошу его разрешение и, коли он благословит, поставлю у порога моего кружицу для добровольных приношений на построение храма на бедном погосте нашем. Пусть народ слушает пение моих детей и в умилении подаёт, во спасение душ своих, посильные лепты».

И пошёл Киприан в Святолесскую пустынь, в скит отшельника Евфимия. В глухих дебрях лесных основал святой старец одну из первых иноческих обителей на Руси; но вскоре сожителство с несколькими братьями монахами, последовавшими за ним в пустыню, показалось ему тягостною суетой... Удалился он от заложенного им скита в ещё бóльшую глушь дремучего бора; вырыл себе малую пещерку и там спасался в денных и ночных молитвах, видясь только с теми, кто имел до него неотложное дело. Без особой нужды не дерзали нарушать уединение святого старца даже братья его, иноки. По очереди, раз или два в неделю, тайком крадучись, они навещали пустынника; с низким поклоном клали на пороге пещерки его просфору и удалялись, не промолвив ни слова.

Однако тех пришельцев, кои к нему обращались с просьбой: «Благослови, отче, на беседу, во спасение души!», Евфимий осенял крестным знамением, выслушивал и давал наставление.

Радостный возвратился из скита отец Киприан и тотчас принялся за дело.

Перенёс он свою убогую хижину к самому кладбищу; поселясь возле самой часовни, стал безвозмездно совершать все требы: отпевал, хоронил, поминал православных, ничего для себя не требуя, лишь указывая просившим молитв его на вделанную в камень у самого входа в часовенку железную кружицу, с поклоном говоря каждому:

– Не для меня жертвуете, православные, – для себя самих, на построение храма, во имя Пресвятой Матери Господа нашего Иисуса Христа, – по обету здесь заложенного, да не выстроенного.

И давали добрые люди полушки и гривны, – кому сколько в силу-мощь было; давали тем щедрей и охотней, что нигде никто не слыхивал столь сладостного пения, как на служениях отца Киприана. Две дочери и отрок сын служили ему клиром.

Когда же наступали вешние дни, оконца и двери отворялись в поповой избе; семья выходила коротать долгий золотой сумрак на крылечко; туда Василько выносил свои гусли и, присев с сёстрами на ступеньки, первый подавал им голос. Когда юные голоса их разливались в хвале Богу, Создателю утренней и вечерней зари, солнца жаркого, и кроткого месяца, и ясных звёзд что вокруг них зажигались в румяных ещё небесах, – тогда лужайка пред погостом покрывалась народом. Соседи из пригородов и горожане из-под кремля самого стекались послушать дивное пение. Многим казалось, что Божья благодать, мир и любовь нисходят вместе с волнами звуков в смягчённые сердца. Многим хотелось молиться: им чудилось что ангелы Божии сходят с ясных небес и свои голоса примешивают к пению отроков... Полушки и гривны тогда частым дождиком стучали о дно кружки церковной, и радовалось сердце отца Киприана, слыша стук этот и внемля просьбам народа, говорившего его детям:

«Пойте, отроки Божии! Славьте ещё Отца Вседержителя, и Духа Святого, и Христа-Спасителя, и Пресвятую Матерь Его!.. Добро нам слушать вас! Пойте! А уж мы порадеем на построение храма».

И точно радели не скудно!.. Чаше и чаще приходилось Киприану соборного протопопа, отца-казначея, тревожить: считать жертвенные сборы на храм Успения и сдавать их в кремль, на хранение.

– Ещё до будущей весны повременим, да уж можно будет, с помощью Господа, помалу к постройке приступать! – радовался отец Киприан, а за ним радовались и благодарили Бога за ниспосланную им благодать и жена его и дети.

Откуда что бралось у этих, Божию благодатью взысканных детей! Последние годы отец, удручённый службами и добровольными требами, перестал заботиться им песни складывать: сами они их на лету составляли. Особливо сёстры доходчивы на стих были! Лишь прочтёт что отец в священном писании или во Псалтыри, – сейчас у них и пересказ, и песнь готовы...

Словно премудрость свыше осеняла их разум, – из чистых сердец и чистых уст их славословия сами собой изливались.

IV

Славословия певцов-отроков изливались простосердечные, всем понятные, до глубины самых чёрствых душ доходившие и лучше вкоренявшие веру Христову в окрестном населении, чем требы церковные, не всем понятные.

Вскоре слухи об ангельском пении в семье святолесского священника разошлись далеко, дошли до самого Киева; множество богомольцев стало нарочно с пути сворачивать, чтобы послушать гусли отрока Василько и пение его с сёстрами. Из Киева же был прислан от начальства запрос: что за притча творится в семье отца Киприана?.. Нет ли обману какого? Нет ли прельщения бесовского, зловредного?..

Но ещё ранее запроса пришёл из скита старца Евфимия к протопопу святолесскому инок со словесным его наказом: что так и так де, – будет запрос об отце Киприане и семье его, так просит старец Евфимий их не замаять лихою отповедью, а всё по правде доложить, что доброе дело ими творится с его, Евфимия, благословения... Дело и само было по плодам своим видно: послушали посланцы киевские пения, умилилися душевно! Пересчитали казну для пострения храма собранную – умилилися пуще, похвалили попа Киприана, похвалили богоугодное житие семьи его и сладкогласное пение детей и восвояси отбыли обратно.

Но приключилося тут особое дело, поднявшее грозу и гонения на благочестивую семью. Воевода святолесский, боярин Буревод и молодой его племянник Ратибор сами полюбопытствовали послушать пение; отец Киприан возил детей в дом воеводы. Обласкали их там; вдовый боярин водил их в терем к своим дочерям-невестам, и те, хотя, сказывали Вера и Надежда родителям, гордо обошлись с ними, но пение их одобрили. А уж думные бояре с дьяками и со служилыми людьми в голос захвалили дочек поповских и так-то смотрели на них, что обе не знали, куда глаза девать.

И вот зачастили после того воевода с племянником на погост «слушать божественное пение» ... Василько хвалили в меру, зато на девиц хвала без меры сыпалась, и уже так-то ласков был воевода, и так-то пристально молодой его родич с пригожих дочек её глаз не спускал, что попадья сказала мужу:

– Ой, Киприанушко, сдаётся мне, что не даром зачастили к нам эти бояре!

– А вестимо недаром! – весело отозвался поп. – Гляди как кружка наша сборная отяжелела: того гляди надо её опять в кремль везти, казначею сдавать!

– Не то я сказываю, Киприанушко! Смотри, не пришлось бы нам родных дочек из дому свезти... Воевода-то с Веры глаз не спускает, а племянник его как воззрился на Надежду, так никого и ничего опричь её красы и не видит.

Смутился отец Киприан.

– Ну уж ты, баба! – говорит, – у вас всё только этакое на уме! Боярин Буревод в деды дочкам нашим годится, станет он на дитя льститься?.. Да и Ратибор Всеславович не таких красавиц, я чай, в Киеве видывал.

– Таких красавиц писанных и на всём-то свете мало! – вздохнула матушка попадья.

V

Отец Киприан жене не возражал, но призадумался. Знал он, что обе дочки его Богу обещанные невесты: с тринадцати годков стали они всем сердцем в монашество рваться. Ныне шёл им шестнадцатый год. Не один жених пробовал свах засылать, но ответ всем был один: за честь благодарят покорно, а о браке не помышляют. Монашеских обителей в то время на Руси ещё не было; желающие спастись удалялись в скиты, в пустынях себе кельи ставили, как святолесский старец Евфимий. О женских монастырях и не слыхивали. Но у отца Киприана родная сестра была игуменьей монашеской обители на родине его. Он много рассказывал о ней семье, и обе девушки рвались поступить под святой кров её, и хотя сознавали, что это трудно исполнимая мечта, но дали обет безбрачия и заявили о том родителям.

Права оказалась матушка: не откладывая в долгий ящик своих помыслов и на свах не тратясь, сам боярин Буревод за себя и за племянша посватался. Призвал он раз, после соборной обедни, к себе попа Киприана, да и говорит:

– Ну, отче, видно твоё счастье! Вдвойне хочу с тобой породниться: давай нам в жёны дочек твоих – мне Веру, а Надежду – братнину сыну. На роду им писано боярынями быть.

Побледнел отец Киприан, затрясся даже весь. А воевода смотрит, да в седую бороду ухмыляется... «От великого счастья, – думает, – батька голову потерял!»

– Ну, ну! – говорит ему, – успокойся, да благодари Бога, что мы с племянником честные люди... Поди объяви семье радость. На той неделе сговоры справим, а там честным пирком да и за свадебку! Сам нас, отче честной, венцами благословишь...

Иди с миром! Завтра подарки невестам пришлём.

И ушёл поп Киприан, не посмел перечить, сам только мыслил: «Эх, греховодник старый! За что только Бога благодарить наказывает!.. Ну, что теперь будет?.. Положим, обета настоящего дочки не давали, да и не в таких летах они, чтобы Господу их обещания приять... От греха они свободны, но... захотят ли?.. Прельстятся ли славой мирскою?.. Неволить их я не могу!»

VI

Как берёзки под зимним инеем побелели сёстры, услышав весть привезённую отцом! Обнялись они, прислонились друг ко дружке, смотрят на отца большими, затуманенными, но и сквозь слёзы блиставшими как звёзды небесные, глазами, а сами дрожмя дрожат, так что и слова высказать не могут.

Испугались отец с матерью.

– Что вы! Что вы, голубки наши белые?.. Чего испугались?.. Ведь неволить вас не станем!

Тут Вера, считавшаяся старшею, брови нахмурила и выговорила, строго-престрого на отца глядя:

– Неволить?.. Кто ж нас может неволить, когда мы Господу Богу обещаны!? Убить нас можно! Но замуж отдать нельзя!

– Что ж ты, батюшка, воеводе ответил? – прошептала Надежда.

Потупился отец Киприан под взглядом дочек своих.

– Что ж! – говорит. – Я за вас решения класть не мог. Детьми вы замыслили себя Богу посвятить... Настоящего обета не давали... Дело это трудное!.. У нас женских обителей, куда бы вам приютиться, и вовсе нет!

– Нет – так и без приюта свой век изживём! – твёрдо выговорила Вера.

– А и век-то наш не гораздо длинен! – прибавила сестра её.

– Полно-ко: никто не весть ни дня своего, ни часа! – заметил отец.

А мать и братишка заплакали от таких Надеждиных слов. Знали они, что обе сестры уверены в своей скорой смерти: были им, сонные аль явные, – сами не ведали они того, – только были видения верные.

В тот же день побывал отец Киприан у воеводы, низко кланялся ему на милости, заявлял, что дочки боярам челом бьют за великую честь, будут де их имена на молитвах поминать с благодарностью, но выйти в замужество не могут: Богу безбрачие ими обещано...

Заявить-то об этом поп заявил, да уж и сам не знал, как его ноги из палат боярских вынесли, до того разгневался на него воевода! Так забрал он и ногами затопал, что света не взвидел отец Киприан и сумрачный вернулся домой. Слышал он, уходя, как меньшей, Ратибор, останавливал дядю во гневе и нехорошие слова молвил.

– Полно-ко тебе, дядюшка, гневаться! – позеленев от злобы, сказал Ратибор Всеславович. – Сами себе девки вороги: не хотят добром за нас идти, – силком их заберём – и вся недолга!

И пуще ярости старого боярина испугала священника злобная решимость молодого. Поведал он об этом матери-попадье; наставлял, чтоб она никуда дочек одних не пускала, берегла бы их денно и нощно; а сам даже двух злющих псов завёл, чтобы по ночам никого близко к дому не подпускали. Ночи-то как раз становились длиннее, подходило осеннее, ненастное время.

С осенними холодами, как всегда, люди стали больше болеть, простужаться. Прибавилось дела знахарям да попам; а уж такому-то как Киприан, в народе прозванному «бессребреником», пуще всех приходилось работать. Другой день, от множества треб, хлеба куска не успевал проглотить. Не доедал и не досыпал, так что домашние его почти не видали.

Когда же и бывал дома, то всё ж в избе мало сживал, неустанно наблюдая за подвозом и складкой материала для будущей церкви. С осени порешил он всё заготовить, а раннею весной приступить к постройке. За усталю, да семейными тревогами совсем поизвёлся отец Киприан; а тут ещё на беду и сам застудился и недомогал. Хорошо, что, к великому облегчению забот его, молодой боярин Ратибор уехал неожиданно в Киев. «Видно на службу отозвали его. Давненько он здесь баклуши-то бил: авось его теперь не скоро отпустят», – утешался отец Киприан.

Примолк и воевода... Поповская семья о них никогда речей не держала, но в тайне все радовались, что не стало у них ни следа, ни слуху о дяде с племянником.

«Неужто ж пронесло мимо грозу? Подай, Господи!» – думала мать-попадья и набожно крестилась.

Подошла зима со своими пушными покровами; всё обложила лебяжьим пухом, обвешала алмазными ожерельями, посыпала жемчугом. В том году она стала сразу снежная да суровая. С октября уж пришлось отцу Киприану всякие работы по постройке бросить, а в ноябре весь заготовленный материал потонул под сажеными снегами, так что поневоле на отдых больше времени стало перепадать. Свободное время даром в благочестивой семье не пропадало; в долгие зимние вечера, при свете яркой лучины, прялись пряжи, ткались холсты; а пока женские руки были заняты рукоделием, отец с сыном новые псалмы и молитвы на голоса раскладывали. Василько свои гусли перебирал, а сёстры им обоим помогали и склад налаживать и голос выводить. И так-то дружно и ладно у них это дело спорилось, что, не глядя на заносы и метели, частенько в ворота их стучались гости: охотники послушать певцов и зимой не переводились.

С благословения отца протоиерея, Киприан стал с собой возить по праздникам детей в город; там становились они на клиросе и своими чистыми, звонкими как серебро голосами, руководили общим песнопением молящихся. Весь народ вторил им, благоговейно взирая на светлую красоту сестёр, коих лики блистали благодатным светом ангельской чистоты и непорочности. Пред всяким двенадцатым праздником вся благочестивая семья постилась; а говела и приобщалась Св. Тайн два раза в году, в Светлый Христов день и в Успение.

Не успели оглянуться, как подошёл Рождественский пост. На святого мученика Филиппа заговелись, а с Гурьева дня поститься стали строго, без рыбной снеди, и каждый день дети сопутствовали отцу в кремль к обедне. Особливо дочери усердны были ко святому служению, редко пропуская утрени, не только что литургию. Василько чаще оставался дома с матерью, которой ради хозяйственных забот нельзя было выходить из дому ежедневно.

VII

В ночь на 20 ноября было сёстрам сонное видение. Обе одновременно узрели в светлом небе блистающую причастную чашу, и обе слышали голос, возвещавший великое таинство подлинными словами божественного песнопения: «Тело Христово примите, источника бессмертия вкусите!»

Обе сразу поднялись на ложах своих, и обе воззрились одна на другую, спрашивая:

– Что это значит? Что ты видала, сестра?

Поведали они друг другу свой дивный, одинаковый сон, и так порешили:

– Господь нам близость земного конца возвещает. Надо нам приобщиться Его Телу и Крови... Да будет над нами Его святая воля!

На утро, встав, чтобы сопутствовать отцу в Божий храм, они рассказали ему о видении своём и о желании, не отлагая, причаститься.

– Что же! – скрыв тревогу житейскую, согласился отец Киприан, – ежели таково ваше желание, завтра, на утрени, исповедуйтесь, а за обедней, в день Введения во храм Пречистой Девы Марии, я приобщу вас Телу и Крови Господним... Только, по слабости нашей человеческой, прошу я вас, дети мои, поберегите мать вашу! Не тревожьте её предвидениями скорой кончины вашей...

Быть может услышит Господь и наши моления родительские, – упасёт вас от смерти безвременной.

И было ими решено скрыть от брата и матери свои помыслы о близости смертного часа.

На следующий день, в праздник Богородичный, пели дети отца Киприана в Святолесском соборе; пели они, как в те века водилось, со всеми прихожанами вместе, но их чудные голоса выделялись как чистое серебро в общем хоре славословия. А когда Вера и Надежда подошли к пречистой чаше, солнце пробилось сквозь зимнюю мглу и тремя яркими лучами озлатило их благоговейно склонённые головы; они предстали народу словно видение свыше, словно чистые серафимы в облаках курившегося фимиама. Многие вместе с ними молитвенно преклонили колена, а другие в толпе умилённо переговаривались.

– Смотрите, православные! Словно Божий Ангелы к нам грешным с неба слетели! Не по земному сияют лики сих чистых отроковиц! Да и голоса их звучат не по земному.

И точно, красота сестёр была чудно прекрасна! Она умиляла души избранных, а иных поражала, не умиляя... У дверей храма, в толпе, среди пришлых богомольцев, один парень в лаптях и мужицком зипуне во всю службу глаз с них не спускал, лоб перекрестить забывал на них глядячи. Не по-мужицки мужицкая одежда на этом парне лежала; а забываясь, когда кто его, по тесноте, ненароком толкал или пред ним становился, заслоня ему поповских дочек, он так гневно да властно чёрными глазами вскидывал, что видевшие только сторонились, дивясь: ишь-де, сиволапый, каким соколом озирается!..

Кончилась служба. Воевода со своими пришёл на паперть. Остановился там, на посох воеводский опираючись; сгрёб в кармане пригоршню полушек, стал нищую братию, праздника для, оделять, да вдруг как встретился глазами с высоким парнем в зипуне, дрогнул и приосанился.

Кабы кто сумел в душу боярина Буревода прозреть, прочёл бы там довольные помыслы:

«Ишь ведь, пострел, каково вырядился!.. И мне не сказался что уж здесь!.. Ну видно и впрямь надо в скорости гостей желанных поджидать. Велю ключарю потайной калитки на ночь не замыкать!»

VIII

Возвратился отец Киприан с семьёй поздно. Приходилось ему в городе ещё кое-какие требы свершать; дети его на соборном дворе, у вдовой дьячихи-просвирни в келийке обождали. Звал их отец казначей, протопоп соборный, к себе, пирожка с грибами праздничного откусать, – да не захотели сёстры, убоявшись расспросов да переговоров. Попадья да поповны городские им проходу и то не давали: корили за спесь, за неразумие! Как де было им за бояр не пойти?.. Девичье счастье прозевали, чтоб после век де плакаться.

Не хотелось Вере и Надежде их вздорные речи бабьи слушать. Не хотелось от пересмехов девичьих, от взглядов, да заигрываний нескромных их братьев да мужей терпеть. Не любили они по гостям да по чужим людям ходить.

Едва в полдень поповские розвальни к погосту подъехали, в воротах переняла их Любовь Касимовна; заждалась она мужа да деток и вволю без них нагоревалась. Пошла она, утречком, помолившись, животинку в хлеве да на дворе покормить, – глядь, а их псы сторожевые, Орлик да Сокол, в разных концах двора лежат мёртвые... С чего им смерть приключилась? Кто их извёл и почто??.. Ума приложить не могла попадья, и сама не своя ходила, боясь, что не даром такое стряслось.

– Надо нам, поди, лихих гостей ждать!.. Как сведут у нас Сивку да Бурёнушку, кто нас прокормит? Как до городу добираться будешь? – сокрушалась мать-попадья.

Нахмурился отец Киприан... Не за лошадь и коровку боялся он... Но в скорости одумался, что на всё – а тем паче на такие дела – воля Божья.

– Ну, как быть! – вздохнув молвил он, – не надо на людей грешить!

Как знать, может Сокол с Орликом какого ни на есть зелья и сами хватили. Достанем других собак!.. А пока будем сами настороже. Авось Господь помилует?.. Во всём ведь Его святая воля!

Вошли в избу, потрапезовал отец Киприан с семьёй, а после обеда взял заступ, позвал Василько, и пошли они зарыть в землю верных сторожей своих. Мальчик плакал, прощаясь со своими добрыми товарищами, а отец его пожурил: стыдно де парню из-за псов слёзы лить!

А в избе, между тем, мать покачивая головой, говорила дочкам своим:

– Ох, ох! Недаром всё я во сне видела, что тучи, чёрные-пречёрные, над нашим жильём собираются!.. Быть над нами беде!

– А чему, по воле Божией, быть, того не миновать, матушка! Стало незачем и сокрушаться о том, над чем мы не властны!

– Только бы самим не грешить! Только бы чистыми пред Его престолом предстать! А то – будь что будет! Не всё ли едино?.. Земная жизнь не долга, а вечная – в наших руках!

– Сказано: волос не упадёт с головы человека без воли Его! – утешали мать дочери.

– А припомни, как ты нам сны свои рассказывала, – вдруг вспомнила Надежда. – Не ты ли говорила, что грозные тучи только напугали тебя, а из них великий свет исшёл и всех нас осенил?.. Вот, стало, горе-то нам к славе будет.

– Не к земной, так к небесной! – добавила Вера. – По мне так чем бы скорее Господь на нас оглянулся и в Свои обители призвал, – тем радостней.

Крики, свист, песни, пьяный хохот и резкие, задорные звуки какого-то гудка прервали речи сестёр. Шум этот в последнее время им не в диковину был; как раз против избы отца Киприана и против будущей кладбищенской церкви поселился целовальник. В праздники брага и пьяный мёд щедро лились в его притоне, а скоморошные песни и богохульные речи – ещё щедрей! Это соседство очень смущало отца Киприана, не столько для себя, как для погоста, ввиду будущего стечения рабочих на построение церкви... А целовальнику только того и нужно было. Известно, чем ближе народ, тем больше ему прибыли!

IX

Но в тот день уж что-то особенно расплясались и распировались в избе и перед воротами целовальника. Зимние сумерки скоро спустились, но ночь лунная была ясная. Полный месяц стоял высоко в небе, среди большущего жемчужного круга, а на земле, одетой в белые снежные саваны, всё таинственно сияло и мерцало мёртвым, холодным блеском.

Перед вечером наведались к попу ближайшие соседи, из пригорода. Старушка-мещанка со слепым сыном-подростком; старик лавочник да двое-трое калик перехожих, богомольцев, зазимовавших в Святолеске, по дороге в Киев. Приходили они проведать, не будет ли, ради праздника, священного пения у батюшки?.. Но отец Киприан лишь головой мотнул на окошко, за которым виднелась ярко освещённая изба целовальника, откуда пение и гогот неслись хуже прежнего.

– Разве ж статочно молитвенное пение при таком нечестивом гомоне? – сказал он. – Нет, православные, приходите уж вдругорядь: нынче не сподручно детям петь.

– Да им обеим и не так-то здоровится! – отозвалась Любовь Касимовна. – Они уж к себе в светёлку поднялись.

Так и разошлись охотники до «божественного» пения.

Отец Киприан спросил жену, скрывая тревогу:

– А чем неможется дочкам?.. Аль захворали?

Но она его успокоила: так де, не по себе им, а не то чтобы хворость... Просто растревожились, должно, смертью Орлика да Сокола. Жаль их, да и брата, что плакал...

– Глядя на его слёзы, давеча, всплакнула и Надежда и заболела у неё головушка. Ну, а ведь уж ведомо, что коли у одной сестры что болит – зараз и на другую переходит! – объяснила Любовь Касимовна.

– Ну, Господь их храни! Подь, Василько, зови сестёр вечерять, помолимся да ляжем пораньше. Притомился я ноне!.. До ночи хоть отдохну, пока что, – на людях не страшно, – а там ведь надо одним глазком спать, караулить нас некому!

Сбежал Василько наверх в светлицу, застал сестёр в темноте; они лучинки не вздули, но месяц ярко светил в слюдовое оконце, и мальчик увидал сразу, что сёстры его сидели обнявшись; Надежда голову на плечо к Вере положила, а Вера ей житие святых тезоименитых им и матери их, Софии, рассказывала. Слышала Вера о них от одного инокa иноземного, которого сестре её не довелось послушать, и с той поры они часто беседовали о погибших в муках за веру Христову святых девах, соимённицах своих, о великом их терпении в муках и блаженной кончине.

Услышав зов брата, они от ужина отказались, но к молитве сошли; помолились вместе с отцом и матерью, приняли их благословение на сон, грядущий и снова ушли к себе... Брат посветил им, пока они на лестницу взошли, а когда хотел уходить, обе сестры его обняли, перекрестили и сказали:

– Что бы ни приключилось, Василько, смотри не забывай нас! Молись о нас, как и мы о тебе и о родителях наших молиться будем... Кого любовь да молитва соединяют, для тех разлуки быть не может! Запомни и перескажи эти слова наши отцу с матерью.

Рано улеглась семья отца Киприана, но долго заснуть в ней никто не мог. Сёстры наверху о сне и не мыслили; а внизу родители и рады б забыться сном, да пляс, и гам, и пьяные крики у соседей не давали покоя.

Один Василько, забравшись на лежанку, скоро и сладко уснул.

Х

Меж тем кутёж и пирование напротив поповской избы до полуночи не унимались. Ещё бы! Кому на даровщину не попируется?.. Хмельное в тот день было для всех даровое. Воевода ль, сказывали, праздник справлял, или другой кто, на мощну тароватый, мир угощал, только мёды и брага лились незапретно, и к полночи всё в лоск упилося. На версту во все стороны, кажись, человека тверёзого не осталось.

Ан – так оно казалось, а на поверку бы вышло, что человек с десятка больше всех бесчинствовали, да верно меньше всех пили, – потому что лишних всех опоив, сами как будто не брагу, а чистую воду тянули: только промеж себя переглядывались, да на своего старшова поглядывали.

А старшой-то их тот самый соколик, что утром давеча в Божьем храме побывал, – да Богу не маливался; с воеводой на паперти взглядом спознался, да словом не перемолвился; а тут, у целовальника, день-деньской пил, да не напился, – как только увидал, что на ногах никого не осталось, опричь его молодчиков, легонько присвистнул да за ворота и вышел.

Белая тишь да гладь безмолвно морозною ночью сияла.

Бугры да кресты на могилах узорными тенями погост испещряли; крест на часовне сиял будто алмазный, а тень от неё не далеко ложилась, – очень уж высоко полная луна забралась... Очень высоко. Прямо над избой отца Киприана она светло-пресветло сияла, так и разливаясь лучами и блёстками над островерхой светёлкой... В поповском жилье нигде света не было... Всё там было мирно, тихо, недвижно.

Махнул рукой набольший своим сподручным, и десяток рослых молодцов окружили его молча, глядя в светлые очи ему, ожидая воли его и приказа.

Тихо был он отдан. Крадучись по тени, под заборами, несколько человек шмыгнули к поповскому двору, перемахнули через невысокий частокол и разместились по углам, да под выходами; другие двое подхватили заготовленную под сараем у целовальника лестницу, обежали с ней на поповский задворок и приставили к оконцу светёлки.

В ту же минуту, будто по уговору, в том окошке зажелтел свет...

«Ага! Тем и лучше! – подумал Ратибор Всеславович, сбрасывая на снег свою сермягу, – видней будет, коя моя, коя дядина!»

И вмиг он на лестнице очутился.

XI

Тем временем первая дрёма только что свела зеницы отца Киприана и жены его; а сынок их, Василько, до того ль разоспался, что никак, сколь ни старался, проснуться не мог.

А проснуться бедный мальчик очень желал!

Ему привиделся дурной сон, тяжёлый! Увидал он сначала обеих сестёр своих. Увидал, что Надежда в светёлке лежит бледная, неподвижная; а Вера, над нею склонившись, сама белая да холодная, засветила свечку восковую, тихо молитвы читает, целует сестру и мысленно просит: «И меня возьми, Боже! И меня спаси и помилуй, с ней вместе, Господи милостивый, Иисусе Сладчайший».

Но вдруг светёлка пропала.

Видит Василько, будто стая голодных волков окружила их дом, смотрит на месяц и воет!.. Воет так громко, так жалобно, что во сне у мальчика сердечко сжалось от страху, зануло и сильнее забилося... Хочет он кликнуть собак. Изумляется, как же так молчат их верные сторожа? И вдруг, во сне вспоминает, что Орлик и Сокол издохли! Что сам же он зарыл их только что в землю...

Вот один волчище от других отделяется.

Размашистым, сильным прыжком очутился он под оконцем, у светёлки сестёр его; смотрит он на окно, смотрит, огненных глазищ с него не спускает, а сам но снегу хвостиком виляет, зубами пощёлкивает, кровавым языком облизывается... А вот и привстал... И за ним ещё двое серых привстали, и все, крадучись, к дверям, к окнам их дома пробираются, сторожами рассаживаются. А тот, первый, самый большой, как взмахнёт с земли – и прямо в окошко!

Во сне Василько весь съёжился и жалобно застонал!.. Представилось ему, как злой волчище на сестриц его набросился; разорвал, растерзал их на части; кровью их, слезами чистыми упивается, тела их белые по кускам рвёт и мечет...

Но вдруг он, спящий Василько, так и застыл в недоумении, в восторге... Он увидел сестёр.

Вот они обе, – Вера и Надежда, – не окровавленные, не мёртвые, не растерзанные, а сияющие, радостные, блаженные!.. Облитые холодным сиянием луны, они, оторванные от земли, несутся к ней жемчужной, в светлые выси небес, сами блистая чистотой и счастьем. Летят они, обнявшись, крылами алмазными взмахивают, ему с высоты улыбаются; а оттолева, из-за месяца светлого, из-за звёзд золотистых, несутся во встречу им хороводы таких же блистающих ангелов, какими они обе сделались, и поют: «Свят! Свят! Свят Господь Саваоф!...»

Так громка и торжественна стала их песнь, что Василько проснулся, вскочил и вскричал:

– Батюшка! Матушка!.. Слышите ль вы песнь ангельскую?.. Славословие великое!.. Батюшка! Видишь ли, ангелов Божиих? Они к нам летят! Они Веру и Надежду встречают!

Вскинулись перепуганные отец Киприан и Любовь Касимовна.

Поп первым делом к окну бросился... Там всё казалось пусто и тихо; только ещё долетали замиравшие песни бражничавших в кабаке, и слабый свет лучины светился из окошек его.

– Что ты, что ты, паренёк?.. Бог с тобою, дитятко! – кинулись отец с матерью к Василько.

Но в этот миг, где-то сверху послышался стук и треск, будто что наверху разбивали. Попадья громко вскрикнула, а отец Киприан, обеспамятев, сам не свой бросился вон из комнаты в сени, на лесенку, в светёлку своих дочерей.

Одним взмахом руки он отпер дверь настежь и окаменел на пороге.

Въ окнѣ неподвиженъ и блѣденъ стоялъ бояринъ Ратиборъ, а дочери отца Кипріяна, одна лежала уже мертвой, а другая властно устранила его рукою...

В окне пред ним так же, как он, неподвижен и бледен как мертвец, стоял молодой боярин Ратибор Буревод; а дочери его, одна уж остывшая, лежала на постели, а другая на коленях возле неё, не обратив даже лица на влезавшего к ним вора, властно устранила его прочь протянутою рукою.

Эта рука и вид умершей недвижимо приковали вора-боярина к месту.

На глазах поражённого отца Вера, как стояла коленопреклонённая над умершею сестрой, так тихо, тихо к ней приклонилась и замерла, — сама мёртвая.

ХII

Похоронили дочек отца Киприана вместе, в одной могилке, у самой церкви кладбищенской, где был намечен алтарь. Осиротела, притихла семья. Не слышно в ней стало ни лепета девичьего, ни смеха молодого, ни песен сладостных. Василько не смел не только голос подать, но даже до гуслей дотронуться. Матушка Любовь Касимовна глаз не осушала, извелась вся, да и муж её не лучше смотрел, только что явно горевать себя не допускал, от слёз воздерживался, а только бывало несчётно раз во дню тяжело вздыхал да выговаривал: «Да будет воля Господня!»

Даже к своему дорогому делу, к построению храма, будто бы обравнодушил... Не то чтобы он не желал кончить его, – желал душевно! Пожалуй, ещё горячее прежнего; всю цель своей жизни полагал в постройке этой, именно оттого, что казалось ему, что как только церковь окончится, – так и он свободен будет от уз земных, и скорее всему здешнему конец придёт.

Не признавался самому себе Киприан в этих помыслах: пойми он, что всё земное счастье его не ровно на всей семье его держалось, а больше в дочерях его заключалось, он ужаснулся бы такого беззакония... Но так оно было, помимо воли его и сознания. Прежде он никогда не думал радостно о земной кончине, зная, что нужен он семье; ныне же часто ловил себя на размышлениях о соединении с умершими и боялся, что вскоре станет в тягость жене и сыну неспособностью своею к труду, к прежней деятельности.

В несколько месяцев ослабел, опустился отец Киприан, на десять лет состарился. Через месяц какой-нибудь, на Рождество Христово у службы в соборе, куда не входил он, по болезни, с самых похорон Веры и Надежды, – прихожане его не узнали.

Но у самой той обедни приключилось дивное диво.

Во время пения Херувимской, не совладал со своим сердцем Василько! Вспомнулось ему, как певал он эту песнь ангельскую вместе с сёстрами, и позабыл он отцовский наказ: не петь более в церкви с прихожанами, – вознёсся мыслью горе и запел... Запел – возносясь к ним помыслом, видя их пред духовным взором своим... Запел, – всё земное и себя самого позабыв.

И вдруг как бы трепет какой прошёл по всему народу во храме: все смолкли и слушали дивную песнь в священном изумлении... Откуда она?.. Кто это пел? Где те певцы, которых голоса составляли на земле такой небесный хор, достойный клира ангелов?..

Никто не знал!.. Никто не мог понять! Никто ничего и никого не видел, кроме бледного отрока, певшего за всех.

Василько стоял на коленях против отворённых царских дверей в алтаре; затуманенные слезами глаза его были подняты к небу, руки молитвенно сложены крестом, и пел он, вспоминая чудные голоса Надежды и Веры, за них и за себя.

Трепетными руками вознёс отец Киприан священную чашу над головой своею и не сдержал, не мог сдержать слёз, оросивших лицо его, открывших душу его к нисходившей на него благодати. Впервые почувствовал он с собою не мёртвую память о дочерях, а их живое и животворное присутствие.

ХIII

С этой памятной рождественской обедни отец Киприан ожил. Ожил не здравием, а духом, – ожил к своим обязанностям, к делу. Воспрянула душой, по милосердию Божию, и Любовь Касимовна. Занялась она снова, как с дочерьми бывало, и хозяйством, и рукоделием – не для себя, так для благостыни неимущим, – ткала и пряла для нищей братии.

После водосвятия Крещенского дни стали светлеть да длиннеть; а вскоре по сырной неделе снега начали чернеть, подаваться теплу, сбегать с отдохнувшей земли. В переломе поста прилетели вешние пташки, побурели и вздулись ветви древесные, зазеленели ранние всходы.

С весной начались снова работы по постройке церкви. Стал Киприан ходить да на могилках дочек своих сиживать не только во дни их памяти, но изо дня в день, за работами наблюдая.

Повёл он деятельную жизнь, но силами видимо ослабевал; сильно кашлял, и каждый вечер, несмотря на внешнее тепло, его бил озноб, трясла лихоманка.

В светлую утренью повторилось вновь, всему миру на удивление, пение незримых певцов, в лице одного отрока Василько, певшего, ничего не замечая вокруг себя, ни на кого не глядя, но всё время видя возле себя, не въявь, а в духе, своих умерших сестёр... И когда пошёл он после того пения с кружкой, на сбор для строившейся на погосте церкви, то никому из сборщиков, впереди шедших не отсыпали православные так щедро и с такою охотой.

– Как ты делаешь это, дитяtko? Как можешь ты один так звонко да голосисто петь? – допытывалась у него мать.

– Не знаю, матушка! Право-слово не ведаю! – отвечивал Василько. – В памяти моей – их голоса! В душе – радостная любовь, а пред очами – их живые облики! Они сами!.. И вот я пою – и они верно поют со мною вместе, как прежде певали, а народ дивится!.. Не верит, что живы они в Господе Иисусе Христе. А ведь сказывал я тебе много раз последний их завет, когда прощались они со мною... Помнишь?.. «Кого любовь да молитва соединяют, – для тех разлуки нет!» Правду они сказывали, матушка!

– Правду, желанный мой! Правду! – глубоко вздыхала мать-попадья. – Велики дела Твои, Господи!

XIV

В конце лета поспела постройка «Выпетой» отроками, детьми отца Киприана, церкви. В праздник Успения Пречестной Богородицы освятили её. Стечение народа было огромное. Святолесский воевода и бояре, и всё духовенство, и все дьяки, и приказные, со своими боярынями, и попадьями, и дьячихами, и приказничихами, съехались из города. Всем хотелось поглядеть на выпетую церковь, из подайных грошей сложенную, и послушать пения «отрока Божие» Василько.

И пел он, и с ним пели певцы незримые чудными голосами, на дивование всему миру.

Но то было их последнее пение, во славу выпетой ими церкви, и последнее ей и в ней служение отца Киприана. После розговенья, отпостившись и отговевшись напоследок с семьёй, благочестивый иерей слёг в предсмертной хворости и более не вставал. Не долго пережила его Любовь Касимовна: по осени и её положили рядом с мужем и дочками, под сенью их трудами воздвигнутого храма.

А Василько?.. Что случилось с осиротевшим отроком?.. Он сиротой себя не считал! Оставшись на земле один, он видел и чувствовал себя всегда со своими... Он никогда не говорил о себе одном. Когда его спрашивали: «Где он был? Что делал?.. Чем он жив?..» Василько, с блаженною улыбкой на кротком лице, отвечал:

– Мы вот тут живём, возле церкви... Мы ноне на погосте пели, а завтра пойдём в собор... Живы мы. слава Всевышнему, благостью Господа нашего Иисуса Христа.

Когда ему доказывали, что он ошибается, что теперь сёстры его уж больше с ним не поют, – мальчик только усмехался и возражал, покачивая головой:

– Ой, поют! Да только я один их ноне слышу!.. Не хотим мы, чтобы все нас слышали.

Святолесцы его прозвали блаженным. Многие над ним смеялись... Но Василько долго в миру не нажил. Ушёл он в скит к старцу Евфимию. С его благословения вырыл себе кельику возле пещеры схимника; служил ему по самую смерть святого старца, а когда он скончался, Василько остался один жить в его келье.

И многие годы по смерти Евфимия соседние монахи, дровосеки в лесу, пастухи и переходящие путники, слышали на могиле его чудное пение. То «блаженный» Василько вспоминал священные напевы, которые в детстве певал со своими красавицами-сёстрами.

*

Так кончалась переписанная мною старая рукопись.

Оглавление

I

II

III

IV

V

VI

VII

VIII

IX

X

XI

XII

XIII

XIV